

- ⁸⁰ Doerner W. USSR // Time. 1989. June 5. P. 18.
- ⁸¹ Clines F. Sakharov Draws Wrath in Stormy Soviet Congress // NYT. 1989. June 3; Keller B. Soviet Congress Ends With one Last Spat // NYT. 1989. June 10. Front Page.
- ⁸² Parks M. Party Picks Gorbachev as Nominee for President at People's Congress // The Los Angeles Times. 1989. May 23. P. 8.
- ⁸³ Сегрин В.В. Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 55.
- ⁸⁴ Dallin A. Breaking away from Lenin // NYT. 1988. April 24. P. 15.
- ⁸⁵ Five Years That Shook The World: Gorbachev's Unfinished Revolution / Edited by Harley D. Balzer. Boulder, San Francisco. Oxford. 1991. P. 1.
- ⁸⁶ Kaiser R.G. Why Gorbachev Happened: His Triumphs and His Failure. N.Y., 1991.
- ⁸⁷ Ibid. P. 11.
- ⁸⁸ Ibid. P. 401.
- ⁸⁹ Glasnost, Perestroika, and the Socialist Community / Edited by Charles Bukowski and J. Richard Walsh. N.Y., L., 1990. P. IX.
- ⁹⁰ Doder D., Branson L. Gorbachev: Heretic in the Kremlin. N.Y., 1990.
- ⁹¹ Ibid. P. VII.
- ⁹² Quinn-Judge P. Quiet Revolution in Soviet Congress // The Christian Science Monitor. 1989. June 2. P. 3.
- ⁹³ A Jolt to the Party // Newsweek. 1989. April 10. P. 9.
- ⁹⁴ Shulman M. How Well Do We Know This Man? // NYT. 1990. June 17. P. 5.
- ⁹⁵ Gwertzman B. Present at the Re-Creation // NYT. 1992. August 23. P. 5.
- ⁹⁶ Sheehy G. The Man Who Changed the World. The Lives of Mikhail S. Gorbachev. N.Y., 1990.
- ⁹⁷ Taubman Ph. Gorbachev's Passages // NYT. 1990. December 16. P. 9.
- ⁹⁸ Shulman M. Op. cit. P. 5.
- ⁹⁹ Ulam A. Does the Credit go to the Kremlin? // NYT. 1990. April 8. P. 14.
- ¹⁰⁰ Сегрин В.В. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁰¹ Keller B. Gorbachev names a Party Loyalist to Vice Presidency // NYT. 1990. December 27. P. 1; Fein Esther B. In Hard Battle, Gorbachev Gets Aide He Chose // NYT. 1990. December 28. P. 1.
- ¹⁰² Is Mr. Gorbachev Turning Tail? // NYT. 1990. December 29. P. 22 (редакционная статья без подписи).
- ¹⁰³ Taubman Ph. Gorbachev's Passages // NYT. 1990. December 16. P. 9.
- ¹⁰⁴ Smith H. The New Russians. N.Y., 1990.
- ¹⁰⁵ См.: Best Sellers: December 16, 1990 // NYT. 1990. December 16. P. 30.
- ¹⁰⁶ NYT. 1990. December 16.
- ¹⁰⁷ Smith H. Gorbachev and the New Russians // NYT. 1990. December 30. Sunday. P. 4.
- ¹⁰⁸ См.: Billington J. Russia Transformed: Breakthrough to Hope Moscow, August 1991. N.Y., 1992.
- ¹⁰⁹ См.: Kotkin S. Steeltown, USSR: Soviet Society in the Gorbachev Era. Berkeley: University of California Press. 1991.
- ¹¹⁰ См.: Ulam A. The Communists. The Story of Power and Lost Illusions: 1948–1991. N.Y., 1992.
- ¹¹¹ Laqueur W. To the Dustbin of History // NYT. 1992. March 29. P. 13.

© 2010 г. А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ *

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И РОССИЯ: через 20 лет после падения Берлинской стены

Крушение коммунизма как проекта мирового переустройства в конце XX в., распад СССР и формирование новых государств в Центральной и Восточной Европе составляют переломный этап мирового исторического развития, масштабы и содержа-

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история».

ние которого продолжают оставаться темой острых дебатов. Существенное значение имеет осмысление исторических предпосылок данного перелома, выяснение общих черт и особенностей переходных процессов, их результатов в настоящее время. Решению этих проблем была посвящена международная конференция «Постсоциалистические страны к 20-й годовщине падения Берлинской стены», которая состоялась в Праге 16–18 февраля 2010 г. Она была организована московским Центром Карнеги и чешским центром «Демас» – «Ассоциацией по содействию демократии и правам человека» с целью сопоставить подходы исследователей и общественных деятелей из различных стран региона – России, Болгарии, Чехии, Словении, Сербии, государств Балтии. В конференции приняли участие ученые и политики – А. Медушевский (Институт российской истории РАН), О. Гаман-Голутвина (МГИМО, Россия), Ю. Адамс (Институт Я. Тениссона, Таллин, Эстония), В. Бартушка (МИД Чешской республики, Прага), В. Брутер (Молдова), М. Дерета («Civic Initiatives» – «Ассоциация за демократию и гражданское образование», Белград, Сербия), В. Дубровский (CASE, Киев, Украина), А. Галабов (Новый Болгарский университет, София, Болгария), К. Гирниус (Институт международных отношений и политических наук, Вильнюс, Литва), И. Ижабс (Университет Латвии, Рига, Латвия), В. Макаров (Центр EuroCivitas, Рига, Латвия), М. Нич (Pontis Foundation, Братислава, Словакия), А. Паскару (Институт истории, социологии и права Молдавской академии наук, Молдова). Вели заседания С. Грин и А. Рябов (Московский центр Карнеги). В настоящей статье представлен анализ ключевых проблем, новых подходов и прогностических рекомендаций на основе материалов форума.

В теории переходных процессов большинством исследователей констатируется необходимость смены парадигм. Существующие теории «конца истории», «волн демократизации» и собственно «посткоммунистического транзита», возникшие непосредственно в период демократической трансформации, стали ее легитимирующей основой. Они включали представление о линейности переходного процесса, его телеологизме и безальтернативности результата. Практика переходных обществ, особенно с учетом существующей ныне исторической дистанции, заставила поставить эти постулаты под сомнение или, во всяком случае, задуматься об их корректировке. Во-первых, оказалось, что переход от авторитаризма к демократии отнюдь не является линейным процессом, поскольку включает во многих странах отклонения и возвратные движения. Во-вторых, далеко не всегда он ведет к установлению гражданского общества и правового государства: часто результатом оказывается имитационная демократия, гибридный режим. Наконец, в-третьих, результаты переходных процессов в разных странах Евразии оказались не тождественны, включая пеструю гамму режимов «серой зоны» – от ограниченно демократических до вполне авторитарных. Эти результаты заставляют подвергнуть радикальному сомнению тот теоретический инструментарий, который существует в настоящее время, вплоть до полного отказа от концепций «посткоммунистического транзита» как единой стратегии перехода к демократии в регионе.

Поиск новых объясняющих схем выявил различные теоретические подходы: теория вызова и ответа (А. Тойнби), теория конфликта (Р. Дарендорф), теория игр в ее неоинституциональной интерпретации (Д. Норт); теория конституционных циклов (А. Медушевский). Теория конституционных циклов ставит вопросы правовых и экономических реформ в социальный контекст и объясняет динамику переходных процессов в их противоречии. Линейной модели объяснения политического и правового развития данная теория противопоставляет его интерпретацию как смены 3 фаз: отказ от старой правовой системы и ее ценностей – деконституционализация (конституционные революции начала 1990-х гг.); создание новой правовой системы – конституционализация (процесс принятия новых демократических конституций, основанных на западных моделях); последующее согласование новой правовой и институциональной системы (закрепленной в конституции скорее как общественный идеал) с социальной реальностью, неизбежно оказывающейся более консервативной. Эта третья фаза, определяемая как реконституционализация, оказывается ключевой в определении вектора всего постреволюционного политического устройства. Согласование нормативно-пра-

новой системы с социальной системой может осуществляться различными способами: трансформация социальных отношений в соответствии с конституционными нормами (что отражает радикальную социальную реформу); сохранение неопределенности в соотношении правовых норм и социальных институтов (что выражается феноменом отложенной демократии и конституционного параллелизма); наконец, изменение новой конституции для сближения ее норм с традиционной реальностью (что означает отступление от реформ и в конечном счете может привести к восстановлению предшествующей авторитарной системы).

Отказ от универсальной концепции переходного периода («демократического транзита») ставит терминологические проблемы. Прежде всего, понятие «Центральная и Восточная Европа» в географическом отношении никогда не являлось четко фиксированным и часто вызывало неоднозначные трактовки. Споры велись о том, как провести границы этого региона; входит ли в него Россия или, например, Турция и Казахстан; каковы возможности его внутреннего разделения. В политическом отношении вопрос оказывается еще более сложным. В период холодной войны было более или менее ясно, что считать границами региона: в него входила территория государств, находившихся под контролем СССР. В настоящее время политическая интерпретация границ региона стала менее определенной. Наконец, выдвигаются различные критерии подразделения региона: выделяют Центральную и Восточную Европу, говорят о Северной и Южной частях Центральной и Восточной Европы. Дискуссия включает решение проблем ментальной географии, т.е. определения того, как население региона само воспринимает свою геополитическую принадлежность: одни признают, что они есть периферия Европы, другие утверждают, что Россия смотрит на них как на периферию, третьи вообще указывают на различия масштаба восприятия, отмечая, что иностранцы, привыкшие к более крупным географическим единицам, не могут отличить Словению от Словакии и т.д. В этом контексте обсуждается идея противопоставления «старой» и «новой» Европы. Выдвигается идея «Третьей Европы» – той ее части, которая охватывает собственно постсоветское пространство и, несмотря на его территориальную и демографическую значительность, остается малоисследованной.

Вторая проблема – как определить содержание переходного периода. Одни считают, что следует говорить о постсоветском транзите как едином процессе для всех стран, имея в виду общие черты региона: географическое положение, сходство социальных и политических институтов (политическая система тоталитаризма и его авторитарных модификаций в различных странах), а также исторических процессов (войны и оккупационные режимы XX в.). Тоталитаризм в рамках данного подхода выступает как общая матрица всех посткоммунистических стран. Эта модель, созданная в СССР, предусматривала мультипликацию структур с одной целью – максимизации контроля. Советская система определяется также как «азиатская», исторически чуждая Европе. Для нее характерен ряд признаков: нераздельность власти и собственности, отсутствие разделения властей и прав личности. Воспроизводство «матрицы» в виде различных мутаций постсоветского периода становится возможным за счет фальсификации выборов правящими режимами, контроля над прессой, переписывания истории демократического переходного периода и манипулирования сознанием молодежи. Поэтому реальная демократизация означает десоветизацию и возврат стран региона в Европу (А. Галабов). Другие исследователи предпочитают определять постсоветский транзит не как единый процесс, но сочетание различных переходных процессов (экономических, политических, национальных), причем указывают, что они отнюдь не всегда идут синхронно и могут вступать в противоречия друг с другом. Основная трудность заключается именно в том, что экономические и политические изменения не всегда коррелируются непосредственно (экономический рост может способствовать развитию национализма и эрозии демократии, а становление последней не означает автоматического утверждения рыночной экономики). Еще одна группа аналитиков говорит о множественности транзитов, имея в виду их различия по регионам и странам: при общности исходных условий дальнейшие изменения предполагают локальные стратегии перехода.

Третья проблема – границы переходного процесса и его результаты. Одни исследователи рассматривают демократический транзит как кратковременный процесс (непосредственный революционный переворот, приведший к власти демократические силы в 90-х гг. XX в.), другие видят его как длительный процесс, включающий формирование основ гражданского общества и правового государства. Вопросы, закончился ли переходный период, насколько прочными оказались его результаты, имеют очевидную политическую составляющую: принять, что закончился, значит констатировать, что демократия победила (в большинстве государств это не очевидно); принять, что не закончился – значит согласиться с тезисом о незавершенности демократии или даже о повороте вспять от нее. Проблема имеет и внешнеполитическое измерение: для одних стран «транзит» закончился включением в Европу, для других – отказом от него или возникновением неопределенной ситуации (получением статуса государства-кандидата в члены ЕС с перспективой длительного стояния в очереди на прием). В связи с этим вопрос о прочности достигнутых результатов остается предметом полемики. Минималистская и максималистская трактовки транзита получают выражение в новой типологии видов демократической консолидации, которая определяется как негативная и позитивная: первая основана исключительно на отрицании коммунизма, вторая – на создании гражданского общества и правового государства. Между ними есть качественное различие. В этом контексте реконструировалась логика переходных процессов. Констатируется, что вопрос не может быть решен однозначно для стран региона: в то время как одни считают демократический транзит бесповоротно завершенным, другие полагают, что он не состоялся из-за «предательства» демократической революции 1990-х гг., продлится в будущем и может быть осуществлен революционным путем.

Центральный вопрос современности – интеграционные и дезинтеграционные процессы, фактор Европейского Союза в регионе. ЕС является общим ориентиром для стран Центральной и Восточной Европы, в то же время он определяет динамику переходных процессов своей политикой приема новых членов: некоторые страны получили статус полноценных членов, другие – кандидатов, третьи – только место в очереди (или статус «потенциальных кандидатов»). Дебаты о Маастрихтском договоре, Конституции ЕС и Лиссабонском договоре позволили констатировать заинтересованность государств Центральной и Восточной Европы в интеграционных процессах. Этому способствуют следующие факторы: экономическая интеграция, миграция (этническая, трудовая и проч.), необходимость общей борьбы с преступностью (примером транснациональной преступности, по мнению А. Галабова, выступает албанский наркотрафик через Македонию в Болгарию и другие страны ЕС). При наличии общих ориентиров страны Центральной и Восточной Европы не интегрированы между собой: они не имеют регулярных контактов друг с другом, встречаются только в Брюсселе, где у каждого государства есть свое лобби (В. Бартушка). С принятием Лиссабонского договора уровень и интенсивность интеграционных процессов стали качественно иными: Европарламент стал более активен, а процесс принятия решений более централизован. В то же время выяснились проблемы, характеризующие отношения старой и новой Европы. Одни страны развиваются вполне в русле интеграционной логики, руководствуясь принципом «Мы – это Брюссель», другие относятся к ней настороженно, опасаясь потери национальной идентичности вследствие культурной ассимиляции. Наконец, сказываются различия приоритетов самого ЕС: все страны региона стучатся в Европу, однако не всех туда принимают в силу той или иной ситуации. Сказываются последствия войны на Балканах, экономическая несостоятельность или рост национализма в ряде постсоветских стран (М. Нич).

Фактор ЕС можно интерпретировать лишь в сопоставлении с фактором России, выступающей конкурентом в постсоветском геополитическом пространстве. В этом контексте могут быть решены вопросы международной политики: конфликт стран Вышеградской группы и Брюсселя по вопросам структуры ЕС (Европейская конституция), войны в Ираке и Афганистане, различное отношение «по умолчанию» к авторитарным политическим режимам (жесткая критика белорусского режима и мягкая азербайджан-

ского), решение проблем энергетической безопасности или вопроса о порядке приема новых членов. Однако вопросы о евроинтеграции и вступлении в НАТО не тождественны. Они решаются по-разному, в зависимости от доминирующих мотивов вступления. Для Сербии и Украины возможность вступления в ЕС – вполне позитивный ориентир, однако для них неприемлемо вступление в НАТО. Прибалтийский путь – интеграция в НАТО и ЕС, союз с Грузией для преодоления изоляции. Страх и недоверие к России, согласно мнению представителей этих стран, выступают мотивом их движения в Европу (К. Гирниус).

Кризис идентичности и рост национализма наблюдаются во всех странах, хотя вызывают различные оценки. В частности, религиозная традиция стран Центральной и Восточной Европы противопоставляется светской ориентации стран Запада. По мнению одних, национализм существует везде (различие только в форме), по мнению других, никакого национализма нет, а есть только отдельные правые партии, стоящие на периферии политического процесса. По мнению третьих, национализм – слишком неопределенное понятие: необходимо различать такие явления как собственно национализм и ксенофобия. Если первый менее выражен, то второй определенно представляет проблему для всех стран региона. Следует различать, в частности, этнический национализм и национальный популизм, питаемый миграциями (вопросы положения турок, цыган, исламской культуры в Болгарии и т.п.). Полярны позиции в отношении «консервативного национализма». Для одних данное явление есть тупик, для других – скорее элемент позитивного развития: естественное следствие процессов распада СССР и образования национальных государств на постсоветском пространстве. Если большинство исследователей наполняет это понятие негативным смыслом, то представитель Эстонии Ю. Адамс заявил, что считая себя консервативным националистом, гордится этим, и вообще не склонен преувеличивать недостатки довоенного авторитарного режима Ульманиса. Консервативный национализм, полагает он, не экстремизм.

Частью рассматриваемого процесса становится создание новых мифов и переписывание истории Второй мировой войны с национальных позиций. Хотя целью критики является официальная историография России, она неизбежно затрагивает ряд государствообразующих идеологических концепций Германии и Израиля. Отсюда различные видения перспектив ассимиляции: одни исследователи опасаются ее, другие, напротив, видят в этом решение проблемы, готовы поступиться национальной идентичностью во имя более полной ассимиляции и хотят ее со стороны ЕС.

Экономическое положение региона Центральной Восточной Европы, оказавшееся чрезвычайно неустойчивым в результате кризиса, активно обсуждалось в контексте глобальных и национальных стратегий выхода из него. Речь шла об общих параметрах развития (плановая экономика и переход к рынку), соотношении реального сектора экономики (производство, определяющее рост доходов населения) с номинальным (банковское регулирование и монетаристские стратегии), специфических трудностях региона (отток капитала и инвестиций из развивающихся экономик в развитые в условиях кризиса), вопросах посткризисного урегулирования (понижение рисков и неопределенности, привлечение инвестиций и реформирование банковской системы, улучшение делового климата). Все страны региона в большей или меньшей степени оказались в ситуации экономического упадка. Однако в некоторых государствах, как констатируют эксперты соответствующих стран, экономические трудности оказались усилены незавершенностью демократических процессов: отсутствием среднего класса и юридических гарантий прав собственности. В Болгарии начавшийся переход от плановой экономики к рыночной привел к возникновению «олигархической» экономики под патронажем силовых структур. В Сербии специфика экономической ситуации определяется такими факторами как война, обнищание населения, легализация «грязных доходов» от войны и сохранение господства структур госбезопасности над экономикой. По существу, это особый тип экономики, определяющую роль в котором играет не рыночная конкуренция, а клановые структуры. Приватизация собственности была произведена не для развития производства, но для ее перепродажи. Парадоксальная черта

этой приватизации заключается в том, что она была осуществлена в соответствии с правом: принятие данного законодательства стало возможным в результате тотальной коррупции институтов парламентаризма, политических партий и судебной системы, оказавшихся вовлеченными в легализацию «грязных денег». На Украине трансформация рентоориентированной экономики оказалась связанной с неразрешимой проблемой вытеснения персонифицированных отношений неперсонифицированными, т.е. замены патерналистских структур рыночными. В Молдавии, где была введена «смешанная модель» экономики, констатируется феномен превращения людей в рабов, а все надежды возлагаются на помощь МВФ. В Латвии экономический коллапс государства сочетается с общей неартикулированностью интересов субъектов рыночной экономики. В Эстонии готовность населения «минимизировать свои надежды с позиций реализма» и привести потребности в соответствие с возможностями определяется как секрет экономического успеха и формула «эстонского счастья».

Отношения общества и государства в странах региона характеризуются как социальная апатия – не востребованность населением тех демократических процедур и институтов, которые стали завоеванием демократического транзита 90-х гг. XX в. Причинами данного феномена признаются исторически сформировавшиеся особенности политической культуры региона (патернализм и склонность населения делегировать решение принципиальных проблем государственной власти), неразвитость гражданского общества и среднего класса, конфликт поколений (старшее поколение хуже адаптировано к ценностям демократического общества), проблема положения национальных меньшинств и роста ксенофобии, связанного с миграциями населения, отсутствие стабильных правовых институтов частной собственности и процедур контроля за ее перемещением, сохранение у власти прежних коррумпированных элит. Характерной чертой политического развития стран региона признается феномен имитационной демократии: принятие демократической конституции и проведение выборов оборачивается легитимацией авторитарных режимов с несменяемой элитой, во многом состоящей из старых кадров; существование парламента, политических партий, создание политических коалиций – всех этих характерных формальных атрибутов представительного правления – не свидетельствует о торжестве демократии, поскольку они контролируются извне клановыми структурами и коррупционными схемами. Данная система определялась в Сербии как «партитократия» по образцу той, которая длительное время существовала в Италии. Аморфность гражданского общества накладывается на ряд факторов, связанных с историей Югославии: сравнение Словении, Македонии, Сербии, Хорватии, Боснии и Черногории показывает не только черты сходства, но существенные различия, определившие различные стратегии модернизации.

Результатом становится рост недоверия населения к официальным институтам власти и поиск альтернативных политических институтов. Ими являются Церковь и армия, внесистемная оппозиция, в частности, радикальные националистические движения и лидеры, а также средства массовой информации. Этот «кризис доверия» к официальным структурам парадоксальным образом означает, что массы отдают предпочтение не избираемым институтам власти, но скорее тем, которые выражают ценности национальной и религиозной идентичности, оппозиционной политической культуры и исторической традиции и неизбежно имеют консервативно-национальную окраску. Например, в Латвии, где выборы приводят к власти популистские элементы, население больше доверяет средствам массовой информации, поведение которых, впрочем, граничит с безответственностью (К. Гирниус). В сфере социальной психологии и исторической памяти это выражается в ряде стран в расколе представлений о прошлом – от ностальгии по «железному занавесу» до тотального отрицания исторического опыта и вынужденного принятия «теории малых дел» как стратегии интеграции в европейское пространство. Некоторые исследователи предлагали для обозначения режимов, неспособных сформировать стабильное ответственное правительство, использовать понятия «дисфункциональная демократия» и «несостоявшиеся государства». В результате большинство наблюдателей констатирует отсутствие в регионе «действенной демокра-

тии», а некоторые доводят эту мысль до тезиса о реставрации старой номенклатурной системы и неизбежности новой демократической революции.

В этом контексте выдвинуты полярные оценки такого явления как «евроскептицизм» – критическое отношение к европейской интеграции и возможностям участия в ней стран Центральной и Восточной Европы. Одни понимают евроскептицизм как совершенно естественное следствие быстрых интеграционных процессов: он существует во всех западных странах, причем особой силы достигает в тех из них, которые стремятся сохранить культурную и политическую самобытность: Англия, Франция, Голландия, Ирландия (именно в этих странах большинство выступило против принятия Конституции ЕС). В этом смысле евроскептицизм в странах Восточной Европы ничем не отличается от западного. Была высказана даже точка зрения о полном отсутствии евроскептицизма как выраженного явления в восточном регионе (М. Нич). Другие, напротив, подчеркивают особую природу данного феномена в «новой» Европе. Рост евроскептицизма в Чехии, Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии, странах Балтии определяется незавершенностью процессов модернизации, опасениями утраты национальной идентичности, возрождения старых претензий или поглощения более сильными странами ЕС. Эти настроения в ряде стран региона коррелируются со стремлением к установлению приоритетного партнерства с США в противовес «диктату» Брюсселя. Однако сам факт распространения евроскептицизма (например, в Латвии) не означает отказа от интеграции: эта группа стран останется в Евросоюзе, поскольку стала частью политического процесса Европы (В. Макаров). Новое измерение данной проблемы связано с различным статусом государств в отношении интеграции: те из них, которые получили статус «кандидата в члены», начинают тяготиться длительным «стоянием в очереди». Существует группа стран, как например Сербия или Украина, где европейский вектор сталкивается с негативным отношением к НАТО. Евроскептицизм может быть подразделен по идеологическому принципу на «левый» (выступающий с критикой неолиберальной экономической модели ЕС и его политики безопасности) и «правый» (отстаивающий интересы национальных государств с позиций защиты «национальной идентичности»), причем в Восточной Европе преобладает именно вторая разновидность. Носителями идеологии евроскептицизма становятся не только радикальные маргинальные партии, но и правящие партии, для которых характерна скорее умеренная форма критики – «еврореализм» и «еврокритицизм». Наконец, следует иметь в виду динамику евроскептицизма, связанную с быстрым изменением объекта критики – самого ЕС.

Типология переходных процессов и политических режимов позволяет выявить 2 стратегии переходного периода – для Центральной и Восточной Европы и Евразии. В Центральной и Восточной Европе можно выделить 3 группы государств: страны быстрой консолидации (Чехия, Венгрия, Польша, Словения); страны замедленной консолидации (Болгария, Румыния); страны заторможенной консолидации (Сербия, Хорватия, Македония, Албания). Данная группировка соотносится с параметрами конституционной трансформации: «бархатные революции» и перевороты; принятие конституций путем диалога или разрыва конституционной преемственности; соответственно большие или меньшие возможности «бархатной» реставрации. Типология переходных процессов в Евразии включает российскую модель 1993 г. как общий ориентир для СНГ; страны, вставшие на путь поиска альтернативы (Молдавия, Украина, Грузия, Киргизия, испытывавшие феномен «цветных революций»); страны, избравшие модель авторитарной модернизации (Казахстан, Белоруссия, Азербайджан, Армения); нереставрированные режимы Средней Азии (Туркменистан, Таджикистан, Туркменистан). В основе выбора в Восточной Европе и Евразии лежат 2 различных теоретических концепции общественного договора: одна понимает его как договор между обществом и государством, предусматривающий приоритетную защиту индивидуальных прав личности, другая интерпретирует этот договор скорее как делегирование обществом всей власти государству. Им соответствуют и различные формы правления – парламентские, смешанные и пре-

зидентские политические режимы, приобретающие оригинальные локальные версии (А. Медушевский).

Вопрос оценки «цветных революций» на постсоветском пространстве разделил аудиторию. В истории существовали радикальные революции (типа Французской), изменявшие всю социальную систему, и революции, не затрагивавшие ее (например, антиколониальные революции, приводившие к установлению национальных правительств без изменения структуры власти, а иногда сопровождавшиеся ее ретрадиционализацией). Масштаб «цветных революций» определяется неоднозначно: для одних аналитиков это полноценные народные революции (народные восстания против посткоммунистических авторитарных режимов), для других скорее революционные перевороты, осуществляемые элитами при поддержке масс, для третьих – перевороты с использованием современных техник массовой мобилизации и последующей демократической легитимации. Технология революций, как было показано, повсюду была одинакова и переносилась из одной страны в другую. В отличие от революций традиционного типа она заключалась не в непосредственном силовом захвате власти, но в «перехвате» ее в результате вполне легального пересмотра результатов выборов. Во всех анализируемых случаях правящие режимы стремились оставаться у власти путем манипулирования и фальсификации выборов. Поэтому основной упор делался «революционерами» на доказательстве факта фальсификации выборов и обеспечении простого большинства для оппозиции в первом или, часто, втором туре голосования. Ключевую роль в мобилизации населения против «украденных выборов» играли неправительственные политические организации, апеллировавшие к западному общественному мнению и финансируемые преимущественно из зарубежных фондов (М. Дерета). В результате оппозиции удавалось прийти к власти вполне легальным путем. Важная составляющая – манипулирование общественным мнением с помощью текущей и последующей интерпретации права, например, на основе решений Конституционных судов или принятия парламентами законов о люстрации, которые могут выступать в качестве ретроактивного толкования права и рассматриваться как переписывание истории победителями. Если технологии всех рассмотренных переворотов одинаковы, то можно предвидеть появления «цветных контрреволюций». Следовательно, «цветные революции» по методологии реализации отличались, с одной стороны, от классических народных восстаний (не скованных какими-либо правовыми рамками), с другой – от классических государственных переворотов (в которых не предусматривалось участие масс). Комбинация массового движения и переворота, осуществляемого в рамках действующего права – есть оригинальная формула «цветных революций» (А. Медушевский).

Этот сценарий, однако, дал неодинаковый эффект в разных странах. Он был впервые испытан в Сербии, затем перенесен в Хорватию, Словению, Украину и Грузию. Результаты «цветных революций» с точки зрения утверждения демократии на постсоветском пространстве оказались сомнительны: в одних случаях их можно определить как частичный успех (свержение режима С. Милошевича в Сербии), в других – неопределенность («оранжевая революция» на Украине, приведшая к параличу власти), в третьих – провал («революция роз» в Грузии или «революция тюльпанов» в Киргизии, где дело свелось, в сущности, к замене одного авторитарного режима другим). Попытка повторения данного сценария в Молдавии предстает не столько как революция, сколько как восстание молодежи против коррумпированного режима коммунистической партии, в ходе которого, однако, имели место провокационные националистические акции (водружение румынского флага на молдавский парламент). В большинстве случаев «так называемые» революции не создали основ демократического общества: они вели не к смене общественного строя, но к переделу собственности и перегруппировке элит, что едва ли соответствовало первоначальным декларациям (М. Дерета).

Постреволюционная ситуация определяется дилеммой выбора между двумя крайностями: стабильностью, переходящей в стагнацию, и экспериментированием, переходящим в анархию. Центральный вопрос массовых движений постсоветского периода, как его формулировали деятели революции, – свобода или порядок – не получил

окончательного решения. Русские, по их словам, пожертвовали свободой ради порядка, украинцы – порядком ради свободы. Однако «Украина, выйдя из пункта А в пункт Б, пришла в неизвестный пункт С» (В. Дубровский). После цветных революций на Украине, в Грузии и Киргизии произошло очень мало содержательных изменений, скорее имело место разделение кланов, чем властей (О. Гаман-Голутвина). Цветные революции – активный социальный протест против коррупции власти, который, однако, был аккумулирован людьми, стоящими у власти. Их целью стало исправление системных дисфункций предшествующего режима, но не изменение самого режима. Эти новые лидеры оказались коррумпированными, не считались с правом, провоцировали острые внутренние конфликты, не смогли сформировать стабильные демократические правительства. Как признают аналитики революций из стран Юго-Восточной Европы, первоначальная эйфория быстро сменилась разочарованием: лидеры протестного движения, оказавшись у власти, потеряли всякий интерес к судьбам гражданского общества, распределив между собой ключевые должности в политике, государственном управлении и бизнесе. Некоторые страны постсоветского региона (особенно в Средней Азии) вернулись к докоммунистическим традиционалистским порядкам и распределительной экономике. Этот тип отношений определяется как патримониальная концепция власти, рентная экономика, гибрид феодальной и бюрократической структур, наконец, патронажно-клиентарная система.

Анализ постсоветского переходного периода выявил методологические вопросы: сложность применения сравнительного анализа к текущему социальному процессу; переплетение различных направлений переходного процесса (экономической, национальной, политической трансформации); сочетание внешних (ЕС, США и Россия) и внутренних факторов развития, определяющих смещенность всех социально-экономических процессов в регионе; различие между академическим и политическим анализом; несовершенство существующего понятийного аппарата. Наиболее общая проблема состоит в том, насколько оправдано само понятие «постсоветского демократического транзита», как в общей сравнительной перспективе демократических переходных процессов в Европе, Азии и Латинской Америке, так и в контексте локальных и национальных вариантов отдельных стран региона? С одной стороны, в странах региона констатируется существенное сходство стартовых условий развития, общность политической культуры и параметров развития. Однако осуществление переходного процесса в последние 20 лет выявило существенные особенности стратегий модернизации. Принципиально различными оказались и ее результаты: в одной группе стран произошло установление функционирующей демократии, в другой существует неопределенность в форме дисфункциональной демократии, в третьей имели место провал демократического транзита, конституционная ретрадиционализация и авторитаризм.

Все это заставляет отказаться от привычной «посткоммунистической» парадигмы, исходящей из предпосылки рационального выбора. Следует констатировать вариативность представлений о перспективных стратегиях: для одних стран выход из ситуации усматривается в разработке «дорожной карты» движения по европейскому пути, для других – в экзистенциальном выборе между демократией и авторитаризмом, не исключающем новых социальных потрясений и радикальной догоняющей модернизации в авторитарных формах. Позитивная динамика возможна по линии практического осуществления демократии участия, разработки научной стратегии и технологий трансформации обществ переходного типа.